

• ХИТЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ПРОЗЫ •

ЧИТАЙТЕ ДРУГИЕ РОМАНЫ СЕРИИ

Джоанн ХАРРИС

Шоколад

Джоанн ХАРРИС

Кошка, шляпа и кусок веревки

Софи КИНСЕЛЛА

Шопоголик среди звезд

Гийом МЮССО

Зов ангела

Эй. Джи. РИЧ

Рука, кормящая тебя

ДЖОАНН ХАРРИС

Чай
с птицами

Москва
2017

УДК 821.111-32
ББК 84(4Вел)-44
Х21

Joanne Harris
JIGS & REELS

This collection copyright © Frogspawn Ltd 2004.
All rights reserved

Перевод с английского *Т. Боровиковой*

Разработка серии и оформление обложки:
Александр Кудрявцев,
студия графического дизайна «FOLD & SPINE»

Харрис, Джоанн.

Х21 Чай с птицами : [рассказы] / Джоанн Харрис ;
[пер. с англ. Т. П. Боровиковой]. — Москва : Из-
дательство «Э», 2017. — 320 с. — (Хиты зарубеж-
ной прозы).

ISBN 978-5-699-94632-7

«Чай с птицами» — блистательный сборник рассказов от автора таких бестселлеров, как «Шоколад», «Леденцовые тувельки», «Пять четвертинок апельсина», «Джентльмены и игроки», «Персики для месье кюре», «Кошка, шляпа и кусок веревки». Здесь Вера и Надежда сбегают из дома престарелых в самый модный обувной магазин Лондона, ведьминский ковен собирается на двадцатилетие школьного выпуска, а молодая жена пытается буквально следовать рецептам из кулинарной книги своей свекрови — с непредсказуемыми последствиями...

УДК 821.111-32
ББК 84(4Вел)-44

© Боровикова Т., перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-94632-7

Благодарности

Снова, как всегда, тысячу раз спасибо невоспетым героям, которые помогли довести эти рассказы до публикации: моему агенту Серафине Кларк, моему американскому агенту Говарду Морхейму, моему редактору Дженнифер Брель и прочим друзьям в издательстве «Уильям Морроу»; Бри Бэркман, моему киноагенту, Луизе Пейдж и Анн Рив — за то, что не дают мне переступить черту; Джине Бринкли — за дизайн обложки, Кевину, Анушке, Кристоферу и всем прочим, кто вдохновлял меня и помогал писать, даже когда мне хотелось бросить. И наконец, сердечное спасибо всем, благодаря кому мои книги стоят на полках, — книгопродавцам, торговым агентам, распространителям — и вам, читатели, до сих пор идущие за мною следом.

Предисловие

Я очень рада, что рассказ после долгой опалы наконец возвращается. Хороший рассказ — а рассказы бывают очень хорошими — остается с тобой намного дольше романа. Рассказ может потрясти, воспламенить, просветить и тронуть так, как более длинному произведению не суждено. Рассказы часто тревожат, пугают или ведут подрывную деятельность в голове. Они ставят вопросы, в то время как большинство романов пытаются лишь дать ответы. Оказывается, из всех прочитанных мною книг я помню ярче всего именно рассказы — живые беспорядочные картины, окна в иные миры, в иных людей.

Некоторые рассказы тревожат меня до сих пор. Мне все еще жаль «Пешехода» Рэя Брэдбери. Я до сих пор плачу над «Розой для Экклезиаста» Роджера Желязны. У меня бегут мурашки по спине, когда я вспоминаю «Мы живем хорошо» Джерома Биксби. И каждый раз, когда я еду в метро, я чувствую совершенно иррациональный трепет — исключительно из-за рассказа «Метро по имени Мёбиус», хотя прочла его в двенадцать лет и даже не помню, кто автор¹.

¹ Имеется в виду рассказ А. Дж. Дейча «A Subway Named Moebius» (1958), в русском переводе — «Лист Мёбиуса». (Здесь и далее примеч. перев.)

Лично у меня рассказы всегда пишутся трудно и медленно. Вместить мысль в такой маленький объем, выдержать пропорции, найти нужный тон — все это трудно, порой до отчаяния. Четыре-пять тысяч слов, которые легко написать за день как часть романа, в виде рассказа могут отнять две недели. Как домашнее вино моего дедушки, любой мой рассказ — эксперимент. Успех никогда не гарантирован; иногда рассказ срывается, а иногда умирает на странице, как слишком длинный анекдот без развязки; а почему — не знаю. Но я люблю рассказы. Мне нравятся их возможности, разнообразие, вызов. Я пишу их, или пытаюсь писать, уже десять лет. Они впервые выходят в виде сборника.

Вера и Надежда идут по магазинам

Четыре года назад моя бабушка поселилась в доме престарелых в Барнсли. Пока она не умерла, я часто туда ездила и почерпнула из этих визитов немало рассказов. Вот один из них.

Сегодня понедельник — значит, опять рисовый пудинг. И не то чтобы они, то есть сотрудники дома престарелых «Поляна», так уж заботились о наших зубах, просто у них плохо с воображением. Я на днях так и сказала Клэр: есть же куча всяких блюд, которые не нужно жевать. Устрицы. Фуа-гра. Салат из авокадо. Клубника со сливками. Ванильное крем-брюле с мускатным орехом. Тогда почему мы видим только пресные пудинги и переваренное мясо? Клэр — хмурая блондинка, вечно жующая жвачку, — посмотрела на меня как на сумасшедшую. Они утверждают, что от изысканных блюд бывает несварение желудка. Не дай бог, наши последние вкусовые рецепторы получают избыток впечатлений. Я увидела, как Надежда ухмыляется, отправляя в рот последнюю ложку рыбного пирога, и поняла, что она все слышала. Надежда слепа, но не позволяет себе распускаться.

Вера и Надежда. Можно подумать, мы сестры. Келли — это та, у которой контур губ всег-

да слишком яркий, — думает, что мы чудачки. Крис иногда поет за уборкой: «Вера, Надежда, Любовь!..» По-моему, он лучший из них. Бодрый, непочтительный, ему вечно влетает за то, что он с нами разговаривает. Он носит футболки в обтяжку и серьгу в одном ухе. Я говорю ему, что нам только любви не хватало, и он смеется. Он зовет нас Хиндж и Брэкет¹ или Буч и Сандэнс².

Я не говорю, что тут плохо. Тут просто слишком *обыденно*, не комфортной обыденностью дома, где даже грязь и хлам свои, родные, — но обыденностью приемного покоя, больницы, пастельно-хлорочный интерьер, пахнувший освежителем воздуха с небольшой примесью подкладного судна. Как правило, нас навещают редко. Я из везунчиков: мой сын Том заходит раз в две недели, приносит журналы, букет хризантем — последний раз были желтые — и новости, но только те, что, по его мнению, меня не расстроят. Правда, он невеликий мастер светских бесед. «Ну что, мам, как ты тут вообще?» и пара замечаний насчет сада — на большее он не способен, но намерения у него добрые. Что же до Надежды, то она здесь уже пять лет — даже дольше меня, — и ее еще ни разу никто не

¹ Эстрадный номер двух британских комиков, Джорджа Логана и Патрика Файфа, выступавших в образах пожилых интеллигентных дам: доктора Эвадны Хиндж и леди Хильды Брэкет.

² Буч Кэссиди и Сандэнс Кид — два известных американских бандита, герои американского кинофильма «Буч Кэссиди и Сандэнс Кид», снятого в 1969 году.

навестил. На прошлое Рождество я вручила ей коробку конфет и сказала, что это от ее дочери, живущей в Калифорнии. Она улыбнулась типичной для нее саркастической улыбкой.

— Дорогая, если это от Присциллы, то ты — Джинджер Роджерс¹, — сказала она, поджав губы.

Я засмеялась. Я уже двадцать лет передвигаюсь в инвалидном кресле, а танцевала последний раз, когда мужчины еще носили шляпы.

Но мы справляемся. Надежда толкает мое кресло; я говорю, куда толкать. Правда, ей не нужен поводыр: она может передвигаться по всему зданию, ориентируясь по пандусам. Но медсестры любят, когда мы проявляем находчивость. Это соответствует их идеологии: разумная экономия. И конечно, я ей читаю. Надежда обожает книги. Вообще, это она первая сподвигла меня на чтение. Мы прочитали «Грозовой перевал», «Гордость и предубеждение», «Доктора Живаго». Здесь мало книг, но раз в четыре недели приезжает передвижная библиотека, и мы посылаем Люси взять нам что-нибудь интересное. Люси — студентка колледжа, практикантка, так что выбирает со знанием дела. Правда, она отказалась принести нам «Лолиту» и тем привела Надежду в ярость. Люси сочла эту книгу неподобающей.

— Один из величайших писателей двадцатого века, а вы записали его в «неподобающие»!

¹ Джинджер Роджерс (1911—1995) — знаменитая американская актриса, певица и танцовщица, выступавшая в паре с Фредом Астером.

Надежда когда-то преподавала в Кембридже, и у нее в голосе до сих пор иногда слышится повелительный металл. Но я видела, что Люси не слушает. У них, даже у тех, кто поумнее, бывает такое выражение на лице, улыбочка детсадовской воспитательницы: «Мне-то лучше знать. Мне виднее, потому что ты старуха». Все тот же рисовый пудинг, говорит Надежда. Рисовый пудинг для души.

Надежда помогла мне полюбить книги, а я, в свою очередь, приохотила ее к журналам. Журналы — моя страсть уже много лет: гламурная мода, светская хроника, ресторанные обзоры и рецензии на новые фильмы. Я начала с рецензий на книги, хитро усыпила бдительность Надежды, читая ей то какую-нибудь статью, то заметку о моде. Оказалось, у меня талант на словесные описания, и теперь мы вдвоем блаженно теряемся в глянцевых эфемерных просторах, стеная над бриллиантами от Картье, губной помадой от Шанель, роскошными невозможными одеяниями. Вообще, странно. Когда я была молодая, меня эти вещи совершенно не интересовали. Я думаю, Надежда одевалась элегантнее меня, всякие там балы в колледже, вечеринки преподавателей, летние пикники на Задворках¹. Сейчас, конечно, мы одеваемся одинаково. Гламур а-ля дом престарелых. Здесь почти все

¹ З а д в о р к и (The Backs) — район Кембриджа, луга вдоль реки Кем, где территория нескольких колледжей захватывает оба берега, при этом на реку выходят противоположные фасады части территории колледжей (отсюда название).

общее: многие не помнят своих вещей, поэтому воровство процветает. Я ношу свои лучшие вещи с собой, в багажной сетке под днищем инвалидного кресла. Деньги и драгоценности, которые у меня еще остались, спрятаны в подушке сиденья.

Предполагается, что денег у нас нет. Здесь их не на что тратить, а на улицу нас без сопровождения не выпускают. На двери кодовый замок, и кое-кто пытается выскользнуть вместе с уходящими посетителями. Миссис Макаллистер — ей девяносто два, она бодрa и совершенно безумна — все время убегает. Она думает, что идет домой.

Кажется, все началось с туфель. Глянцевых, лакированных, красных, как яблочные леденцы, с бесконечными каблуками. Я нашла их фотографию в одном журнале и вырезала. Время от времени, когда никого не было рядом, я доставала картинку и смотрела. У меня кружилась голова, и я чувствовала себя немного глупо — непонятно почему. Можно подумать, это была фотография мужчины или чего-нибудь такого. А это всего лишь обувь. Мы с Надеждой носим одинаковые туфли: неуклюжие, без шнурков, из кожзаменителя цвета овсянки, бесспорно и чрезвычайно «подобающие». Но втайне стонем над шестидюймовыми прозрачными каблуками от Маноло Бланика, над ярко-малиновыми замшевыми мялями от Джины или расписанными вручную шелковыми туфлями от Джимми Чу. Конечно, это абсурд. Но я захотела эти туфли с такой силой, что самой страшно. Хо-

тела хоть разок ступить в глянцевою, ликующую журнальную страницу. Попробовать рецепты; посмотреть фильмы; прочитать книги. Все это воплотила в себе пара туфель: жизнерадостный, беззастенчивый красный цвет, откровенно невозможные каблуки. В этих туфлях можно делать что угодно: вальяжно раскинуться в кресле, возлежать, красться, гордо вышагивать, летать, — но только не ходить.

Я держала вырезку в сумочке, иногда вынимая и разворачивая, словно карту места, где спрятан клад. Надежда вскоре поняла, что я что-то скрываю.

— Это глупо, я знаю, — сказала я. — Может, я съезжаю с катушек. Наверное, я в конце концов стану как миссис Баннерджи: буду носить десять плащей разом и воровать чужое нижнее белье.

Надежда засмеялась.

— Нет, Вера, вряд ли. Я тебя очень понимаю. — Она пошарила рукой по столу, нащупывая свою чашку с чаем. Я знала, что помогать ей нельзя. — Ты жаждешь чего-нибудь неподобающего. Я хочу «Лолиту». Ты — пару красных туфель. То и другое совершенно неподобающе для таких, как мы.

Она склонилась ко мне и понизила голос:

— Там адрес есть?

Адрес был. Я ей об этом сказала. В Найтсбридже¹. С тем же успехом мог быть в Австралии.

¹ Фешенебельный район Лондона с дорогими магазинами.

— Эй! Буч и Сандэнс! — Это жизнерадостный Крис пришел мыть окна. — Ограбление замышляете?

Надежда улыбнулась.

— Нет, Кристофер, — лукаво сказала она. — Побег.

Мы все спланировали с хитростью и скрытностью военнопленных. У нас было громадное преимущество — внезапность. Мы не были склонны к побегу, как миссис Макаллистер, нам доверяли, как приятно вменяемым и надежно нетранспортабельным. Я предложила применить отвлекающий маневр. Как-то убрать дежурную сестру от конторки, оставив входную дверь без наблюдения. Надежда стала околачиваться у двери, слушая звук нажимаемых кнопок, пока не обрела почти полную уверенность, что может воспроизвести комбинацию. Мы все рассчитали с точностью опытных стратегов. В пятницу утром, без девяти девять, я взяла в гостиную окурочку мистера Бэннермана и спрятала у себя в комнате, в металлической мусорной урне, полной бумаги. Без восьми мы с Надеждой уже были в вестибюле и направлялись в комнату для завтрака. Через десять секунд, как я и ожидала, сработала пожарная сигнализация. Из нашего коридора донеслись крики миссис Макаллистер: «Пожар! Пожар!»

Дежурила Келли. Смышсленная Люси не забыла бы запереть дверь. Тупая Клэр могла вообще не уйти с поста. Но Келли схватила со стены ближайший огнетушитель и помчалась на шум.